

ИНТЕРЕСНОЕ ВРЕМЯ

Марианна
Гончарова

Тупо в синем и в кедах

П О В Е С Т Ь
Р А С С К А З Ы

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)6
Г65

Художник

Валерий Калныньш

Гончарова, М. Б.

Г65 Тупо в синем и в кедах : повесть, рассказы / Марианна Борисовна Гончарова ; сопроводит. статья Андрея Дмитриева. — М. : Время, 2019. — 512 с. — (Интересное время).

ISBN 978-5-9691-1844-7

Многие из тех, кому повезло раньше вас прочесть эту удивительную повесть Марианны Гончаровой о Лизе Бернадской, говорят, что не раз всплакнули над ней. Но это не были слезы жалости, хотя жизнь к Лизе и в самом деле не всегда справедлива. Скорее всего, это те очистительные слезы, которые случаются от счастья взаимопонимания, сочувствия, нежности, любви. В душе Лизы такая теплая магия, такая истинная открытость и дружелюбие, что за время своей борьбы с недугом она меняет жизнь всех, кто ее окружает. Есть в повести, конечно, и первая любовь, и ревность, и зависть подруг, и интриги, и вдруг вспыхивающее в юных душах счастливейшее чувство свободы.

Но не только слезы, а еще и неудержимый смех вызывает у читателей проза Гончаровой. Чуть ли не каждый рассказ из второй части этого сборника вам захочется прочитать близким вслух. И вы сделаете это — сами при этом хохоча, захлебываясь словами, отчего-то становясь счастливее...

ББК 84(2=411.2)6

ISBN: 978-5-9691-1844-7

© Гончарова М. Б., 2019

© Дмитриев А. В., 2019

© «Время», 2019

Андрей ДМИТРИЕВ

КОВЧЕГ ГОНЧАРОВОЙ

1

Литература не любит счастливых семей. И уж если берется за семейную историю — то чаще всего для того, чтобы явить миру универсальную модель его катастрофы.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» — с первой же строки «Анны Карениной» Лев Толстой дает понять, почему он взялся за роман о семейном несчастье двух семей: Облонских и Карениных. Категорическое *похожи* подразумевает *скучны* — это, если говорить о живой жизни, пожалуй, и неправда. Другое дело — литература, у которой свои законы, и ничего скучнее благополучного однообразия сюжетов, благостной бесконфликтности, радостной жизни как таковой придумать нельзя. Попытка Толстого, убежденного поборника семейных ценностей, сочинить историю о *семейном счастье* была провалена. Его роман, так и названный «Семейное счастье», удачей точно не назовешь — мало кто вспомнит о нем сейчас, кроме специалистов по истории литературы, да и те вспоминают нечасто. Может показаться удивительным, но в финале «Анны Карениной» Левин, *alter ego* автора и единственный счастливый семьянин в романе, осознав свое счастье, с огромным трудом обретенное, — до того напуган и растерян, до такой степени не верит в совместимость семейного счастья с жизнью, что всерьез подумывает о самоубийстве.

История гибели одного семейства — подзаголовком «Будденброков» предупреждает читателя Томас Манн...

«Сага о Форсайтах» Голсуорси — могучая метафора вселенской катастрофы, художественный приговор Викторианской эпохе, которую и по сей день многими принято считать золотым веком Британской империи...

Если же в семье все по видимости благостно и гладко — литература непременно поселит скелет в семейном шкафу или найдет на семейный очаг разрушительную бурю извне...

Все же нет-нет, но и заявит о себе литература, для которой в истории счастливой семьи нет ничего однообразно-скучного и где семейное счастье — универсальная модель спасения мира. Прежде всего, это в немалой своей части литература о детях, где жизнь семьи показана их глазами. Потому что глазами детей весь мир вокруг, со всеми его страхами, опасностями и даже горестями, — это, как правило, счастье. И в этом смысле я готов поставить рядом «Детство» Толстого, мучительные, но удивительно жизнелюбивые истории Диккенса, в которых дети, пусть и не все, обретают счастье прежде всего в семье, «Чук и Гек» Гайдара и, скажем, «Денискины рассказы» Драгунского. (Конечно, есть и страшные, безнадежные истории о детях, которым нет места и спасения в этом мире, а значит, и миру нет спасения, но они — предмет иного разговора. Скажем, о том, как гуманнейший Чехов сочинил адовы «Устрицы», а Достоевский — «Мальчика у Христа на елке».) «Взрослой» прозы, во взрослом ракурсе которой была бы явлена заведомо счастливая семья, в литературе немного. Один из редких примеров этой прозы — рассказы и повести Марианны Гончаровой. И они — точно не скучны.

Увлекательность и, соответственно, популярность прозы Гончаровой принято объяснять тем, что ее проза насыщена юмором. И это справедливо: юмора у Гончаровой не отнять.... И все же... Вымышленные смешные миры несравненных мастеров юмора художественно восхитительны и убедительны... Но в этих смешных мирах тебе вряд ли захочется жить доподлинно. То есть невозможно мечтательно вообразить себя доподлинно живущим среди персонажей Гоголя, Чехова, Достоевского и Зощенко, Бабеля и авторов «Двенадцати стульев». Одно дело смеяться над героями «Мертвых душ», совсем другое — вообразить себя играющим с ними изо дня в день в вист. Одно дело нравоучительно хохотать над унтером Пришибеевым или Человеком в футляре, совсем другое — представить себе воочию, что тебе приходится с ними здороваться каждый день при встрече и каждый день выслушивать их нравоучения. Одно дело смеяться над манерами трамвайных хамов из рассказов Зощенко, совсем другое — хотя бы мысленно оказаться в тех трамваях. Читать «Одесские рассказы» Бабеля очень весело, но не хотел бы я жить на одной улице с Бенею Криком и его очаровательной сестрой. Одно дело — вышучивать Безенчука с его выставочными гробами, отца Федора с его дохлыми кроликами и Кису Воробьянинова в нарукавниках сотрудирика загса — совсем другое дело хотя бы во сне навеки поселиться в уездном городе Н. и натянуть на себя по локоть эти сатиновые нарукавники...

Ты читаешь и перечитываешь лучшие из смешных страниц, созданных человечеством, для того чтобы разделить с авторами художественное удовольствие, чтобы, конечно же, посмеяться, — но и для того, чтобы определиться со своим собственным миром, принять себя таким, каков ты есть. Даже если твой мир полон горести, глупости, страхов и неудач, даже если ты, по чувству своему, состоишь из многих несовершенств — это все же

твой мир, а не подсудный твоему смеху, страшноватый мир героев «Ревизора». Автор «Ревизора» приглашает тебя вместе с ним посмеяться над повседневной жизнью его героев — и ты принимаешь приглашение.

Нет, ты не равен Гоголю, когда смеешься, перечитывая «Ревизора». Но ты и не его герой. Ты смеешься над его героями *вместе* с Гоголем, по его, повторяю, *приглашению*. И благодаря Гоголю — его юмору! — хотя б на миг становишься бесстрашнее перед лицом своего подлинного мира. Думаю, ни один из читателей или зрителей «Ревизора» не принял, не принимает и никогда не примет на свой счет финальную реплику Городничего: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь». Не примет и будет прав: не над собой.

Никому из читателей, как я догадываюсь, и в голову бы не пришло вживую постучаться в дверь кого-нибудь из самых смешных героев Гоголя, Чехова или Зощенко, чтобы разделить с ними их повседневную жизнь.

...В дом, который с юмором, но накрепко и надежно построила Гончарова в своей прозе, читатель захочет постучаться.

3

Смешная, счастливая семья в этом доме, во всех подробностях своей жизни — притягательна, к ней влечет, к ее кругу *тянешься*, как к спасательному кругу... Я здесь не вхожу в подлинные обстоятельства жизни Гончаровой. Я отдаю себе отчет, что за каждым ее персонажем стоит реальный человек, но степень вымысла высока, ситуации и повороты сюжетов фантастичны, едва ли не сказочны, и мы уверенно можем говорить о мире прозы Гончаровой как о сугубо художественном мире... И в этом мире, в этом вымышленном, хотя и узнаваемом городе, который сам — семья, все *тянутся* друг к другу: русские и цыгане, укра-

инцы и евреи, румыны и австрийцы, кошки и попугаи, взрослые и дети, звери и птицы, вещи и книги, воспоминания и надежды на будущее. В этом обширном семейном мире никто не смотрит друг на друга снизу вверх или, наоборот, свысока; всеобщее тяготение в нем — это тяготение равных, тяготение живых к живому, а не слабых к сильному. Возможно, напряжение этого семейного *тяготения* всех ко всем и ко всему — и есть главный мотив прозы Гончаровой. Он завораживает, наряду с ее юмором и сюжетами... Вот попугай Терентий: он *тянется* к колокольчику, потому что влюблен в него буквально, тянется к теплему картофельному пюре, в котором любит купаться, тянется к гостю семьи и будущему члену семьи по имени Дзундза, с которым ест наперегонки это самое пюре, в котором уже искупался, из одной тарелки — и Дзундза тянется к попугаю, не брезгуя пюре... («Не покидай меня, Дзундза!») Это взаимное тяготение нельзя разрушить, людей нельзя разделить, даже разъединив их жестокой политической границей по Пруту: люди найдут способ услышать друг друга и через реку («Янкель, инклоц ин барабан»).

Юмор, с которым рассказана жизнь этой разнообразной, *многосемейной*, но очень сплоченной *семьи*, понуждает не к смеху, но к удивлению и доброй зависти.

4

Из вышесказанного может показаться, что речь идет о прозе умирительно-сентиментальной, но это не так. То приглушенный, то отчетливо слышимый мотив опасности звучит в ней непрерывно. Потому что никуда не делось все зло окружающего мира. Никуда не делась и не денутся силы, способные на годы разделить людей по Пруту и по иным, бесчисленным, не только лишь географическим границам. И никто не отменил смерть.

То, что в прозе Гончаровой делает человека сильным, веселым и бесстрашным, а именно доверчивое тяготение к другим — обрекает его и на крайнюю уязвимость. Подросток Лиза Бернадская борется с опаснейшей угрозой, преодолая ее благодаря всем, к кому тянется — а тянется она ко всему живому: к взрослым и детям, к зверям и книгам, и все живое тянется к ней, даря ей силы и надежду. Но стоит Лизе со своей открытой, а значит, беззащитной душой потянуться к иному миру, устроенному совсем иначе, чем привычный, счастливый, семейственный мир — ее настигает самое тяжелое испытание... («Тупо в синем и в кедах. Дневник Лизы Бернадской».)

5

Мир Гончаровой — это ковчег, вход на борт которого никому не заказан; ковчег, способный с весельем и отвагой преодолеть любые темные воды, лишь бы обитатели ковчега не уронили за борт свою спасительную веру в закон всеобщего тяготения.

Ноябрь 2018 г.

Тупо в синем и в кедах

ДНЕВНИК ЛИЗЫ БЕРНАДСКОЙ

повесть

В этом году ко мне не пришел Дед Мороз.

И не потому, что я не верю в чудеса. Как раз наоборот — чудеса я встречаю с восторгом и благодарностью. Потому что без присутствия чуда в этой человеческой каше-малаше, в этих странных отношениях друг к другу, к детям, к природе, к планете, к жизни никак не складывается ничего. Непременно должно быть что-то, когда вдруг глупость и безалаберщина уступают место пониманию и быстрой человеческой реакции... Ну то есть по-настоящему человеческое — это когда включается не обычная обезьяна, а божественное. То самое, для чего мы, люди, были придуманы... Ой, что-то я устала и запуталась сама. Ну вот, например, кто-то по внутреннему зову вдруг просыпается, вскакивает ночью, бежит куда-то, чтобы нажать на кнопку возврата и спасти планету от гибели, я знаю, я читала про дяденьку, который вернул на место уже запущенную боевую ракету. Или даже ракеты. А вот еще. Одна девушка в городе Каменец-Подольском стояла на перилах моста, уже собиралась сигануть вниз, чтобы покончить с этим всем обрыдлым, ужасным, отвратительным и постылым.

А тут вдруг старенькая машинка: трюх-трюх-трюх — и заглохла. Оттуда дедушка вываливается. Говорит, девушка, а девушка, а ну слезайте! Вы же упасть можете, прямо в реку! Девушка, а девушка! (Вчера только смотрели с братом: «Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? — Тепло, батюшка, тепло!» — Фильм «Морозко».) Я когда еще в клинике лежала, читала что-то по литературоведению, там это называется «медитативные повторы». Они, мол, как-то действуют на подсознание. Вроде как заговоры колдовские, вот это вот «девушка, а девушка...»

Кароч, спрашивает он эту девушку, которая уже крылышки сложила и хочет кинуться в речку Смотрич от несчастной любви, дура такая:

— Девушка, а девушка...

А девушка ему раздраженно:

— Ну чо, дед, ну чо те надо?! — Она ведь уже все, решение приняла, вот-вот...

— Иди, — говорит дедушка, — сюда, помоги старику.

Девушка добрая, почему не помочь, хоть и раздражает дед скрипучим своим «девушка, а девушка». И она слезает с перил. Осторожненько так. Чтобы *не упасть*.

А дедушка ей — оп! — конфетку на палочке цветную, круглую, огромную, как блин, — и говорит:

— На! С наступающим Новым годом, детка!

Ну, потом уже настроения у нее лезть на перила, конечно, нет. Дедушка еще этот какой-то подозрительный. Подтолкнула с ним его «копейку», села к нему, на заднее сиденье, а сама *боится*. И думает, бли-и-ин, я ж только что хотела с моста кинуться, чего это я сейчас боюсь, какая разница, как сдохнуть от несчастной любви. А дедушка на

своей трюхалке подвез ее в центр города по дороге. Она попрощалась нормально, спасибо сказала, с наступающим Новым годом тоже сказала, пересела в такси, а у таксиста оказались синие глаза и он тоже ее — с наступающим, и веселые истории рассказывает... Пригласил в кофейню поболтать, выпить кофе-чаю или чего... Домой отвез, телефон попросил. Ну не чудо?! Да, простенькое. Даже банальное. Но ведь чудо!..

Ну и потом — главное чудо произошло со мной, с нами, с нашей семьей. Поэтому в чудеса я верю, а в Деда Мороза уже нет. Ну какой Дед Мороз придет ко взрослым, повидавшим всякое в своей жизни людям семнадцати лет?!

(Оп! Три часа дня. Сейчас-сейчас, мне надо срочно принять таблетку и витамин, я вернусь.)

Ну вот. В этом году ко мне не пришел Дед Мороз. Зато к Мистеру Гослину, моему брату, пришли и Дед Мороз, и Санта, и всякие Снегурочки в коронах, шапочках, с косичками и в белых валеночках. Прилетели тихие эльфы с прозрачными крылышками, в розовых штанишках и крохотных сверкающих туфельках. Пришли вздорные, но добрые в душе гномы, нанесли грязи в прихожую, натоптали. Прискакали из страны оленьей легконогие олени, веселые, трусливые, глупенькие, с барабанами зайцы и другие сказочные лица и морды. Надарили всего разного, о-го-го! Мистер Гослин же у нас парень не промах. И хотя он только-только выучил буквы, но уже сумел сложить из них вежливые и скромные пожелания и просьбы, через слово вставляя «пажайлыисто». Санте он отправил письмо через морозильную камеру старого холодильника. Ночью мы посылание выкрали и прочли, давась от смеха и умиляясь де-

ликтности нашего мальчика. Пажайльйсто. Он писал это письмо целый вечер, высунув язык, весь извозюкался фло-мастерами, пыхтел, замучился рисовать буквы и слово «па-жайльйсто», потеть от усердия, шевелить губами, словом, подустал с этим всем. Ну и письмо Деду Морозу уже потом не написал, а нарисовал, наслюнявил уголки и наивно при-клеил на окно, типа, Дедушка будет мимо проезжать, уви-дит, заинтересуется, а ну-ка, что это тут? А там были просто нарисованы герои сказки «Волшебник страны Оз», все аб-солютно похожие на черепах-ниндзя.

Ну мы уж постарались. Во всех мыслимых и немысли-мых местах дома таились коробки с подарками для Мисте-ра Гослина. И мы только переглядывались и сияли, когда он вдруг находил их, радостно взвизгивал на весь дом, раз-ворачивал пакеты, удивлялся и хохотал своим многоцвет-ным неподражаемым смехом. Прокололись мы только с черепахами. Абсолютно случайно мы узнали, что хотел-то он лего с персонажами страны Оз. Но ничего, армия скупленных в магазине воинственных суперчерепах тоже прокатила.

* * *

Полина Игоревна, подруга моей бабки Агнии (все зо-вут ее Агнешка), проводит со мной пси-хо-те-ра-пев-ти-чес-ки-е-е-е... е-е-е! Бесит! Меня сейчас очень многое бесит. Такая я есть сегодня. Такой период в жизни. Бесит. И ненавижу. Много лишнего обнаруживается в этой жиз-ни. Много лишней суеты, лишней еды, лишней одежды, лишних усилий, лишних событий. В том числе — лишние

ненужные слова. Длинные такие, что, пока слушаешь до конца, взмокнешь.

Ненавижу *длинные слова*, ненавижу! И еще. Вот тут лучше сразу сказать, почему я в этом те-ра-пев-ти-чес-ком дневнике не выставляю даты. Потому что я ненавижу точное время. Точное время и длинные слова. Но особенно длинные слова. И многословных речистых взрослых людей. Со значительными тяжелыми лицами. Зачем, господа присяжные... завсегдатаи... завсегдатели... заставлятели... Зачем?! Чтобы потянуть время, которое на самом деле совсем не тянется, а без-воз-врат-но уходит навсегда? Чтобы отбирать у меня минуты, часы, дни, долго ворочая языком, демонстрируя, какой ты взрослый, умный и крутой, а на самом деле успеть что-то задумать, наврать, обхитрить? Чтобы все стояли и ждали, когда ты такой весь из себя надутый как голубь, это слово выдавишь, выговоришь, молвишь, изречешь? Это я в ворде синонимы подсмотрела. Не фиг Нечего мне делать, придумывать слова про отморозков всяких велеречивых. (Это из Агнешкиной книги слово — «велеречивый», про чувака, который трепался почему зря.) Ну скажешь ты, такой весь из себя, длинное, непонятное обычному человеку слово. И чо? Произведешь впечатление, няшный такой перец? И убьешь, сволочь такая, мое личное время, умник!

Или вот еще про время. На пакете с тем, ну с таким, черт, не помню, а — пудинг! На пакете с вязким серым содержимым написано: варить двадцать минут. По-ме-ши-ва-я. Бли-и-ин! Двадцать минут на ~~офигительный~~ ~~обалденный~~ изумительный диетический пудинг! Который никто жрать не захочет, и он зацветет буйным зеленым

цветом в холодильнике и развоняется вовсю. Тогда лучше напишите — отдай мне, девочка, двадцать минут твоей жизни на эту хрень, и обратно я тебе их, эти двадцать минут, не верну. Вари давай серый пудинг, иди верной дорогой к финалу. По-ме-ши-ва-я.

Времени у человека вообще мало. Вот, например, жизнь — это песочные часы. У меня есть такие, в пластиковой фиолетовой рамке. Доктор Натан подарил. Принес однажды. Так странно было. Ну, потом напишу. Он сказал, вот тебе, Бернадская Лизочка, часы. Я спросила, а зачем? Натан ответил, чтобы я смотрела, как бежит песок, и так легче ждать, когда закончится капельница или процедура. Песок в этих часах темный, густой, мерцающий. Просачивается, как черная кошка в темную комнату, кошка с атласной спиной — сквозь стеклянное тонкое горлышко. A cat on a hot tin roof... A black cat in a sandglass. (На полях: Кошка на раскаленной крыше... Кошка в песочных часах...) Стекает горкой вниз. Лапы, голова, живот, задние лапы, хвост. Переворачивать часы во время процедуры надо четыре раза. Я очень полюбила доктора Натана, я его заобожала даже. Он очень прикольный. Но. Я совсем не полюбила его подарок. Гонять эту кошку туда-сюда, туда-сюда. И когда переворачиваешь четвертый раз, кошка замирает внизу, сворачивается клубком, и сначала еще видно уши, круглый затылок, гладкую спину, а потом вся кошка рассыпается в горстку песка. Блин, ну зачем тогда жить, если заканчивается все кучкой пепла, верней, песка?! Рано или поздно эти часы остановятся: их однажды просто никто не перевернет и не разбудит кошку. Песок окаменеет, кристаллы слипнутся, как песчаная роза из пустыни Сахара. Агния хранит та-

кую на белой пуховке в старинной фарфоровой пудренице. Такая красота. А всего-то — песок, ветер, верблюжья моча и время. Так и будут стоять они, песочные часы, нарядно-фиолетовые, и песчаная роза, на которую пописал неизвестный верблюд из восемнадцатого века. Кстати... Моя miss Pauline, Полина Игоревна, — ханжа, она не разрешает говорить: «А можно выйти в туалет?» Она учит спрашивать в приличном тоне: «А можно помыть руки?» И если в приличном тоне рассказывать про песчаную розу, то необходимо сказать так, что сотни лет в пустыне Сахара дул ветер, складывал песчинку за песчинкой в причудливый узор, потом откуда-то издалека притаился неизвестный истории верблюд и несколько раз «помыл руки». И получилось искусство природы. Вот такие они, песочные часы и песчаная роза — памятники прошедшему времени.

Полина Игоревна смешная. Слышала бы она, что у нас в больнице одна санитарка в таких случаях говорила про «помыть руки». Какой она словарь адский выдавала. Мы ее звали Дарт Вейдер. Она с шести утра громыхала ведрами, орала на родителей больных детей и называла нас «задохлики». Это было ласковое слово. Врачи ничего не могли поделать, санитарки добрые люди редко идут, они где-то в других местах тусуются. Я раньше значение таких слов, какие Дарт Вейдер говорила, не знала. А уж Полина, я думала... Хотя Агния возражает. Агния говорила, что Полина и не такое слышала. У Полины была очень трудная жизнь, но ее правильная речь — это личный протест. Это протест против ее прошлого времени (опять время!). Это было время, когда вокруг нее, такой тонкой и аристократичной, все матерились и орала, как санитарка Дарт Вейдер, и не стес-

нялись этого, а даже гордились. И Полина тоже научилась так говорить. Агния рассказывала, что в том мире, где Полина существовала почти пять лет, без *общего* языка было не выжить. Вообще, Агния говорит, что везде и всегда надо искать *общий* язык. И это не значит английский, украинский, испанский. Это значит совсем другое. Я понимаю, но не могу объяснить. Там, в том странном месте, у Полины Игоревны был такой *общий* язык с другими людьми, и она должна была на нем говорить. А у нас в семье должен быть другой общий язык, потому что у нас растет Мистер Гослин. Он должен слышать лучшие примеры языка. Вот именно поэтому — настаивают Полина Игоревна и Агния — я должна убрать из своей речи ругательские слова и учиться разговаривать, как Полина Игоревна. И это тоже будет протест — против вселенской грубости и обценной лексики. Не знаю, правильно ли я написала. Новое выражение выучила — обценная лексика. Это значит грязная, оскорбительная, корявая речь. (Даже с матами!)

Надо бы мне об этом подумать, об общем языке. Подумать, сформулировать и написать. Самой себе.

* * *

Почему я это все пишу. Не только потому, что это терапия. Во-первых, я живу сейчас в ограниченном пространстве. Мне еще нельзя выходить из дому, разве только на прогулку с кем-то из родителей два раза в день по полчаса. Поэтому у меня дефицит общения. И я общаюсь сама с собой и как будто со всем миром. Завести свой блог, конечно, можно. Но какое-то время мне вообще нельзя на-

ходиться слишком долго рядом с компьютером. И потом, если завести свой блог, то у тебя для этого должны быть реальные друзья. Чтобы они читали, чтобы они отвечали тебе, ~~лайсили, то есть ставили лайки~~. То есть вот люди, которые говорят с тобой на *одном языке*. Для которых ты пишешь. Полина Игоревна, да?

Если же у тебя нет друзей, в твой блог придут чужие, которые ни тебя не знают, ни ты их. Начнут писать ерунду, троллить, слать дебильные картинки, хуже того — оскорблять. То есть говорить с тобой на разных языках. Вроде как на одном, русском или украинском, но абсолютно на разных. Как если бы говорила наша Полина с санитаркой Дартом Вейдером. Там-та-та! Та-а-а... Да-дам! Та-а-а... Да-дам! Эх, жаль, музыку из «Звездных войн» нельзя передать словами. Когда они, такие бесчувственные убийцы, идут строем. Жесткач вообще! Как мы тащились от этого, обалдеть!

Ну дальше. Во-вторых.

А во-вторых, Полина подарила мне этот крутой блокнот и сказала, что мне обязательно нужно вести дневник. И не так важно, на каком языке, а важно быть честной с самой собой. Нет, нормально! Я буду честной с самой собой, буду секретничать, делиться мечтами и планами, а Полина будет мне тут чиркать карандашиком и подчеркивать слова «лайсить», «лайкать» и «тащиться». *Окей* (на полях: ОК), буду писать, потому что я очень хочу пойти в школу и социализироваться. *Блин*, опять! Какое слово холодное, как стол в рентгенкабинете. На самом деле дневник надо вести, чтобы наладить отношения с самой собой (get on with), научиться жить среди людей, разобраться в окружающих и наладить (get on with) отношения с ними. Потому что,